

DOI: 10.31857/S013038640021035-6

© 2022 г. Я.В. ВИШНЯКОВ

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТИЧНОСТЬ» НА ПОСТЬЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Вишняков Ярослав Валерианович — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (Москва, Россия).

E-mail: ya.vishnyakov@inno.mgimo.ru

Scopus Author ID: 57211398436; ORCID: 0000-0002-2316-7116; Researcher ID: G-8615-2019

Аннотация. Проблема становления и развития государственных и общественных структур стран, возникших после распада Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), тесно связана с вопросом формирования их нового национального самосознания. Немаловажную роль в этом процессе играет наличие в обыденном сознании народа образа враждебного «другого», что стало одним из главных способов внутренней консолидации новых балканских государств. Под воздействием трагических событий югославской войны 1991–1995 гг., Косовского кризиса 1999 г. на повестке дня оказались разнообразные мифы и концепции возрождения национальной самобытности этих народов, и как следствие — новые поиски собственной этнической идентичности. В контексте многозначного понятия «свой—чужой» образы империй далекого прошлого стали важным инструментом в формировании этнической идентичности стран постъюгославского пространства, призванные сформировать в обществе особое, отличное от других соседних народов восприятие «родины», подчеркнуть собственную уникальность и древность, тем более что в условиях исторического развития Западных Балкан совместить границы государств с границами наций оказалось невозможно, так же как соотнести понятия идентичности и территории. И в данном случае образы античности не являются предметом научного поиска или дискуссии, а представляются обществу как «неоспоримый» исторический аргумент и свершившийся факт в территориальных спорах со своими соседями. Таким образом, античное, древнее прошлое Балканского региона становится как важным инструментом своеобразной войны памяти, призванной уничтожить всякое упоминание о некогда проживавшем на данной территории «чужом» народе и о времени вынужденного с ним соседства, так и «бесспорным» доказательством принадлежности малого народа к Западу и его ценностям — наследию все той же античности.

Ключевые слова: примордиализм, распад Югославии, иллиризм, иллирийское движение, коллективная память, историческая политика, страны бывшей Югославии, албанцы, македонцы.

Ya. V. Vishnyakov

“Political Antiquity” in the Post-Yugoslav Space

Yaroslav Vishnyakov, Department World and Russian History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: ya.vishnyakov@inno.mgimo.ru

Scopus Author ID: 57211398436; ORCID: 0000-0002-2316-7116; Researcher ID: G-8615-2019

Abstract. The problem of the formation and development of state and social structures in the countries that emerged after the collapse of SFR Yugoslavia is closely related to the issue of the formation of their new national identities. An important role in this process is played by the image of a hostile “other” in the ordinary consciousness of the people, which has become one of the main means of internal consolidation of the new Balkan states. The tragic events of the 1991–1995 Yugoslav War and the 1998–1999 Kosovo Crisis brought a variety of myths and concepts about their national identities to the fore, resulting a new pursuit of their ethnic identities. In the context of the polysemous notion of “us and them”, images of empires from the distant past have become an important tool in the formation of ethnic identities of post-Yugoslav countries, designed to form a distinctive, different from neighbouring nations, perception of “homeland” in society, to emphasise its uniqueness and antiquity, especially as in the historical development of the Western Balkans it proved impossible to combine state borders with ethnic boundaries, as well as to correlate the concepts of identity and territory. Here too, the images of antiquity are not subject to scholarly inquiry or debate, but are presented to society as an “indisputable” historical argument and a fait accompli in territorial disputes with its neighbours. Thus, the ancient past of the Balkan region becomes an important instrument in a kind of memory war aimed at destroying any reference to the “strange” people who once lived on this territory and to the time of their forced neighbourhood, as well as “incontrovertible” proof that the small people belonged to the West and its values – the legacy of that same antiquity.

Keywords: primordialism, breakup of Yugoslavia, Illyrism, Illyrian movement, collective memory, history politics, countries of former Yugoslavia, Albanians, Macedonians.

ФЕНОМЕН ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТИЧНОСТЬ»

Толкования исторических фактов являются важным инструментом в построении государства и его последующих трансформациях¹. В конце XX в. заметным явлением в процессе становления новых балканских государств стало активное участие локальных политических элит в формировании этноисторического мифа как важного элемента в производстве исторического нарратива и политики памяти. Распад Югославии, сопровождавшийся жестокими межэтническими конфликтами, ярко проиллюстрировал, что в рамках балканского пространства особую роль играет тесно увязанное с этнической идентичностью микрорегиона многозначное понятие «свой–чужой». В процессе становления на территории бывшей Югославии новых государств и установления их новых границ «прочие» или «чужие» стали не менее важным элементом, чем сама идентифицируемая группа, поскольку формирование собственной этнической идентичности само по себе предполагает наличие того, от кого необходимо отделиться². В условиях исторического развития Западных Балкан совместить границы государств с границами наций, которые объединяют «этническое сообщество, а не граждан страны»³, оказалось недостижимо, так же как соотносить понятия этнической идентичности и территории. Не случайно для западного мира Балканы при попытке создать их устойчивый образ, вписывающийся в глобальный общеевропейский контекст⁴, всегда представляли собой некую трудноразрешимую загадку.

В этом смысле вопрос о том, как образы древних государств и империй связаны с этнической идентичностью жителей микрорегионов в рамках постъюгославского

¹ См подробнее: Историческая политика в 21 веке. М., 2002.

² *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 25.

³ *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998. С. 362.

⁴ В рамках этого контекста на сегодняшний день в основном сформирована «идеальная» территория, «границы которой очерчены историей, традицией, семейными преданиями, коллективной памятью племени или общины и не подлежат обсуждению». См.: *Амелин В.В., Беван Я., Веттер Е. и др.* Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / под ред. Е.И. Филипповой, К. Ле Торривеллека. М., 2018. С. 65.

пространства, весьма актуален, когда «при языковой близости славян, одновременно входивших в состав католической Габсбургской и мусульманской империй, на передний план выступали этнотерриториальные и конфессиональные признаки»⁵. В.А. Шнирельман отмечает: «Казалось бы, родственные взаимоотношения между двумя и более этносами, их происхождение от единого предка, наконец, их языковая близость должны бы пробуждать у них особо теплые чувства друг к другу. На самом же деле развитие этнонационализма ведет к прямо противоположному эффекту. Ведь из рассмотренных выше характеристик со всей очевидностью вытекает, что в этой ситуации этносы вынуждены бороться за одно и то же культурное и политическое наследие, и в ситуации реальной этнической стратификации такая борьба может приобретать очень острые формы»⁶.

Обращение к античности свойственно еще периоду существования СФРЮ. Оправдывая историческую закономерность создания Югославии, ряд авторов руководствовались не только научными соображениями, проецируя понятия «Югославия» и «югославянские народы» на далекое прошлое — на первобытную эпоху и античные времена. Более сдержанные исследователи начинали «историю Югославии» с раннего средневековья⁷. В условиях отказа от идеологии «братства и единства» и от общего социалистического югославского прошлого именно античная и средневековая история также становится важным компонентом балканской национальной мобилизации, в том числе воспитательной и образовательной системы⁸.

На рубеже Средневековья и Нового времени этносы, в том числе в границах империи Габсбургов, имевшие сословную систему, объединялись через фигуру монарха. Кроме того, «до наступления эпохи национализма в различии подданных преобладал конфессиональный, а не этнический критерий (во всяком случае, они сочетались и варьировались)»⁹. Примечательной чертой как «долгого» XIX, так и «короткого» XX в.¹⁰ в контексте становления и развития новой индустриальной эпохи стали различные политические и общественные концепции национального самосознания и национальной идентичности. Именно национализм стал той идеологией, которая «играет принципиальную роль в создании существенных связей между людьми, объединяя их в активно действующее политическое единство»¹¹.

В этом смысле отметим, что обращение к образам древнего мира характерно для процесса образования национальных государств Германии и Италии в середине — второй половине XIX в. В то же время процессы, проходившие в Европе, особенно как итог революций 1848—1849 гг., повлияли и на народы Балкан. Так, например, в середине 40-х годов XIX в., после окончания войны за независимость от Османской империи, в Греции возникла «мегали идея» (великая идея) — ирредентистская концепция возрождения греческого государства на основе воссоздания Византии и включения в состав будущего

⁵ Мильников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1991. С. 284.

⁶ Шнирельман В.А. Национальный миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение. 1995. № 6. С. 12.

⁷ См. подробнее: Ристић Д. Митови српске историје. Београд, 2019. «Наша страна в эпоху первобытного общества» — заголовок первой главы книги *Historija naroda Jugoslavije*. Zagreb, 1953. Эта «история» от античных времен прослеживается в работе «Историја Југославије» (Београд, 1972). С VII в. н.э. начинаются следующие работы: *Ђоровић В.* Историја Југославије. Београд, 1933; *Историја Југославије*. М., 1963.

⁸ Колосков Е.А. Образ Средневековья в школьном образовании стран Западных Балкан в начале XXI века // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2 (5). С. 88—101. URL: <http://voxmediiaevi.com/2019-2-koloskov> (дата обращения: 01.05.2022).

⁹ Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007. С. 63.

¹⁰ В контексте исторического времени XIX в. можно отсчитывать с 1789 по 1914 г., а XX в. — с 1914 по 1991 г.

¹¹ Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 3—13.

государства всех земель, принадлежавших грекам еще с античных времен. Данная идея оказала существенное влияние на идеологию национально-освободительных движений, находившихся под властью Порты славянских народов – болгар и сербов.

Как полагает Е.Г. Пономарева, «политическое пространство является важным элементом более общей системы аналогичных социальных пространств – экономического, идеологического, культурного, правового»¹². Однако если в XIX в. европейский национализм преследовал создание более крупных политических образований с идеей коллективной идентификации под эгидой общей политической администрации, что порождало различные панславистские концепции и их инверсии, то в конце XX в. большинство национальных движений на Балканах стали обращаться к политизированной архаике – проповедовать разделительную, а не интегративную цель. Для их деятельности нужны более компактные образования, оформление которых и произошло в ходе югославской войны 1991–1995 гг.

Для народов Балкан одним из итогов расчленения Югославии стали особенно востребованные в период острых межэтнических конфликтов разнообразные мифы и концепции возрождения национальной самобытности этих народов и, как следствие, новые поиски собственной этнической идентичности. И в этом смысле именно этноисторические мифы, говорящие об автохтонности народов бывшей Югославии, их великом историческом прошлом, сливаясь с культурой и традициями, призваны сформировать в обществе особое, отличное от других соседних народов восприятие «родины». Тем более что архаический компонент в жизни стран постъюгославского пространства и ее конвертация в самых разных сферах – от политических практик до социально-экономического и культурного пространства региона – имеют устойчивый, если не сказать больше, системный характер¹³.

В поисках «бесспорных» аргументов в доказательство своей правоты представители как новой политической элиты постъюгославского пространства, так и их оппоненты все больше и больше обращают внимание на античное наследие Балканского полуострова. В этом смысле обращение к иллирийскому прошлому дунайско-адриатического региона, распространение мифологических доктрин о сербах как самого древнего народа Европы, болгарская фракийская концепция, македонская «вергинская звезда» – внедрение этих символических образов в государственную символику, объявление именно «своих» народов наследниками великих античных культур служат не только цели подтверждения «исторического права» владения собственной территорией, но и обоснованием претензий на доминирование в регионе¹⁴.

Таким образом, «политическая античность» как современное примордиалистское воплощение глубокой древности, которой можно гордиться без всяких оговорок, когда совершались великие деяния и славные походы против врагов, становится важным инструментом своеобразной войны памяти, призванной уничтожить всякое упоминание

¹² Пономарева Е.Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М., 2007. С. 14.

¹³ В.А. Шнирельман разделит понятия националистический и этнонационалистический миф: «Националистический миф настаивает на исконности и естественности данной нации как политического единства. Его берет на вооружение государство, и он лежит в основе официальной исторической версии. Такой миф имеет две главные функции: он обязан, во-первых, обосновать внутреннее единство нации, т.е. основы ее лояльности государству, а во-вторых, утвердить данную нацию на равноправных началах в мировом сообществе. Этнонационалистический миф призван обосновать право народа на самобытность, помочь ему противостоять аккультурации и ассимиляции, а в конечном итоге оправдать его борьбу за политическую автономию или полную самостоятельность» (Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 6).

¹⁴ Подобные практики свойственны не только народам Балкан. В этом же контексте уместно вспомнить сарматизм как идеологию польской шляхты. В современной Румынии обращение к временам Дакийского царства и Римской империи призвано подчеркнуть не только древность румынского этноса, но и обозначить его историческое величие.

о некогда проживавшем на данной территории «чужом» народе и о времени вынужденного с ним соседства. В этом смысле в балканском регионе «политическая античность» превратилась в важный инструмент быстрой демонизации зачастую так похожего на себя «другого». Ясно, что в данном случае речь может идти в том числе и об очень давнем историческом периоде, от которого не сохранилось каких-либо устойчивых, достоверных сведений. В условиях трагического распада СФРЮ существенную роль стал играть именно этноисторический миф, который, согласно Э. Хобсбауму, принял характер «изобретения традиций», что, по его мнению, при фиктивной связи с прошлым представляет собой «ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой»¹⁵. В этом смысле понятие политической античности становится важной частью широкого социального мифа, значение которого особенно возрастает в период обострения политических или межнациональных конфликтов¹⁶. При этом данное понятие является «не абсолютным превалированием истории или памяти, а их сложным взаимодействием в качестве двух конкурирующих и корректирующих друг друга форм обращения к прошлому, особенно травматическому прошлому, с учетом всех функций — мемориальной и моральной, которые соединяют историю с памятью, и научно-критической, отличающейся от обеих названных функций»¹⁷.

В разное время и в разных странах постъюгославского пространства эти восходящие к древней истории этноисторические мифы приобретали вполне осязаемые очертания, тем более что «беспорное» свидетельство принадлежности малого народа к Западу и его ценностям — наследию все той же античности, служит понятным доказательством не только его уникальности и древности, но и позволяет элитам новых малых балканских стран внедрить в общественное сознание веру в то, что именно политические, экономические или социальные стандарты «большой» Европы способны изменить жизнь к лучшему. Речь о новом цивилизационном вызове архаическому социуму, «о творческой переработке архаики, ее трансформации и адаптации к цивилизационным институтам и ценностям и главное — инкорпорации в доминирующую, нормативную культуру»¹⁸.

Таким образом, обращение к концептуализированным образам античности связано с попытками правящих элит придать некую научность политическим практикам, с помощью которых можно было дать собственным гражданам простое и понятное объяснение роли и места своего маленького «компактного» народа в новом мировом порядке, а главное — его европейскости. Это, по словам А.А. Улуяна, нашло отражение «в публичном дискурсе в форме исторических концепций этногенеза и общегосударственного географического пространства», имея целью «подтвердить легитимность конкретного этноса в его споре с соседями и одновременно недвусмысленно указать на его европейскую принадлежность»¹⁹. Однако на деле готовность самих балканских элит следовать политическим и экономическим стандартам Запада выглядит весьма сомнительно. Представителей правящей верхушки стран постъюгославского пространства в большей или меньшей степени отличает партикуляризм, лояльность по принципу «кровной связи», которую они зачастую ставят выше общегосударственных целей. Именно поэтому очевиден факт бессмысленности попыток насаждения европейских достижений, если им не придаются институциональные формы и базовые функции, а поверхностное, во многом имитационное наложение ее ценностей, в том числе и как наследие древних культур античного мира, таит в себе немало опасностей.

¹⁵ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

¹⁶ См. подробнее: Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983.

¹⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 50.

¹⁸ Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики. Архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М., 2009. С. 145.

¹⁹ Улуян А.А. Балканы и «архаично-античное» пространство: исторические отражения в идеологической среде национальных дискурсов // Конструирование истории. Кто мы? СПб., 2019. С. 206.

ИЛЛИРИЙСКИЙ МИФ КАК КОМПОНЕНТА РАЗВИТИЯ КОСОВСКОГО КРИЗИСА

В течение XIX–XX вв. идейной базой национальных движений народов Западных Балкан – хорватов, черногорцев, бошняков и албанцев, являлись выдвинутые местными интеллектуалами концепции их автохтонного происхождения и их прямая связь с древним иллирийским населением Балканского полуострова²⁰. Именно иллирийская теория как зримое свидетельство преемственности проживания албанцев в Косове стала важной опорой албанского национализма, что в том числе нашло отражение в программных документах Призренской лиги (1878–1881 гг.). В середине и второй половине 90-х годов XX в. мифы о дославянском заселении края и иллирийском происхождении служили для косовских албанцев весомым аргументом в оправдании их борьбы за независимость, которая рассматривалась не просто как борьба за объединение албанских земель в унитарное государство, но и как идея воссоздания некоего мифического царства, которое должно было бы охватывать современные населенные балканскими албанцами земли. По словам М.Ю. Ломоносова, «в 1990-е годы представление о средневековом славянском нашествии, которому автохтонное албанское население, произошедшее от иллирийцев, вынуждено было сопротивляться, распространилось в массе печатных изданий»²¹.

Учитывая, что концентрация внимания на страданиях и понесенных жертвах является неотъемлемым инструментом любой исторической политики, что важно не только для внутренней мобилизации общества, но и для «экспорта вины» на международную арену²², в сознании косоваров внедряется тезис о том, что «сербский государственный террор над албанцами представляет собой особую главу сербской многовековой политики под русским покровительством еще со времен первых завоеваний албанских территорий. Перманентная стратегия сербских чудовищных проектов со второй половины прошлого и в течение всего нашего столетия – это этнические чистки албанских территорий и их славянизация»²³.

Таким образом, в глазах албанских националистов в рамках воображаемого расширенного албанского государства сербы априори лишены каких-либо исторических территориальных прав на данный регион. Тогда же широкое распространение получила версия, что современные косовары – потомки ветви древнего иллирийского племени дарданцев, а их страна – преемник Дарданского царства, существовавшего на территории Косова в IV–I вв. до н.э. Хотя не существует конкретных научных доказательств связи между иллирийцами и нынешними албанцами Косова, в современном постъюгославском пространстве контекст идеи конструирования мифа об этом царстве в том числе позволяет властям Приштины позиционировать свое квазигосударство как самостоятельный, отдельный от Албании этнос. Как заметил тот же М.Ю. Ломоносов, «политический бренд “Дардания” активно внедрялся в массовое сознание населения Косово. Был образован крупнейший в регионе “Дардания банк” с участием германского капитала. В Приштине появилась в FM диапазоне радиостанция “Дардания” и университет с тем же названием. Улицы городов и деревень Косово заполнили вывески заведений бытового обслуживания: “Иллирия”, “Дардания”, “Иллирийская гостиная”, “У Дардана”, “Тевта”, “Агрон” и т.п.»²⁴.

Однако драматизм проблемы, в том числе и в контексте «изобретения традиций» и наложения их на современные реалии региона, состоит в том, что Косово занимает особое место в исторической памяти сербов, а само это именование неразрывно связано с национальной самобытностью всего сербского народа. Именно здесь произошло зарождение основ сербской государственности. К тому же трагедия битвы на Косовом поле 1389 г.,

²⁰ Ломоносов М.Ю. Иллирийский миф в интерпретации славянских интеллектуалов Западных Балкан (XV–XXI вв.) // Вестник славянских культур. 2011. № 4 (22). С. 44–55.

²¹ Ломоносов М.Ю. Албано-славянские контакты: конфликты, исторические мифы и производство кризисов // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Вып. 1 (15). С. 158.

²² Историческая политика в 21 веке. С. 296.

²³ Тервич С. Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М., 2015. С. 96.

²⁴ Ломоносов М.Ю. Возрожденная Дардания: история новопровозглашенного государства в экспозиции музея Косово // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 61.

массовый исход сербов с этой территории в конце XVII в. породили общие для национальной памяти сербов понятия — «косовский завет», «сербский исход», «сербская голгофа». По словам сербского историка Д. Батаковича, «для среднестатистического серба слово Косово, в национальной идеологии, означает святую землю, из которой сербов в течение нескольких последних столетий, а особенно в XX в., совместными усилиями систематически выдавливали и упорно преследовали, прежде всего албанцы-мусульмане, легальные или нелегальные иммигранты, поселившиеся здесь волнами в эпохи разных правителей: османских турок, итальянских фашистов и коммунистов Тито»²⁵.

Сербские историки в противовес именованию «Косово», вводят в обиход более широкое понятие «Старая Сербия», включающее в себя Косово и Метохию, Рашку и Скопско-Тетовскую область. В начале XX в. классик сербской науки Й. Цвич сформулировал представление о «Старой Сербии». Оно воспринимается как основа культурной и исторической территории сербского народа, родина Св. Савы и прародина великой средневековой сербской династии Неманичей. «Старая Сербия» рассматривается отдельно от возникшего в 30-е годы XIX в. и получившего окончательную независимость в 1878 г. княжества Сербия именно как области, не вошедшей в состав нового государства («новой Сербии») и оставшейся под управлением османов. Идея возвращения этих потерянных исторических территорий, «месть за Косово» стали одной из основ сербской национальной идеологии XIX — начала XX в., когда, по словам А.Ю. Тимофеева, в период с 1878 по 1912 г. (т.е. года ее освобождения) для сербской политики именно Старая Сербия стала «единственной актуальной сферой жизненных интересов»²⁶.

Этот драматизм играл не последнюю роль в формировании основанного на милитаризации повседневности особого типа мировоззрения сербского социума, что глубоко отразилось на сербской политической культуре и на развитии ее политических и общественных институтов²⁷. Не случайно известный американский журналист, автор знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир», Дж. Рид, будучи свидетелем событий, происходивших на сербском фронте Первой мировой войны, особо подчеркивал, что «каждый солдат из крестьян знает, за что он сражается. Еще когда он был маленьким ребенком, мать приветствовала его: “Здравствуй, маленький мститель за Косово”»²⁸. «Косово — это самый центр сербской истории, ее культуры и национальной памяти. Необходимо остановить террор в Косово и объединить Сербию» — эти слова, сказанные президентом Сербии С. Милошевичем в 1989 г. у монумента Газиместан в день 600-летия Косовской битвы, стали предвестником новых кровавых конфликтов, а косовский миф, таким образом, стал импульсом превращения этого региона в зону никогда не прекращающейся войны, переходящей из острой фазы в латентную и наоборот.

ИЛЛИРИЗМ НА ПОСТЬЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Древние обитатели Балканского региона как общая отправная точка для формирования этноисторических мифов балканских народов стали основой хорватского национального возрождения, в рамках которого к началу 40-х годов XIX в. собственно и оформляется имеющее яркую панславистскую окраску само понятие — иллиризм. Его представители выдвигали идею возрождения «Великой Иллирии», которая должна была охватить все южнославянские и частично неславянские области Балкан. О причинах возникновения этого движения, его развитии и особенностях написано немало фундаментальных

²⁵ Батакович Д. Косово и Метохия. История и идеология. Екатеринбург, 2014. С. 16.

²⁶ Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда 1878–1912 гг. СПб., 2007. С. 9.

²⁷ Вишняков Я.В. Сербский социум в начале XX века. Милитаризация повседневности // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 6. С. 28–45; Его же. Сербия в начале первой мировой войны: 1914–1915 годы // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 53–65.

²⁸ Рид Дж. Вдоль фронта. М.; Л., 1928. С. 66.

исторических исследований²⁹. Ключевым годом в формировании этой концепции стал 1835 г., когда филолог и историк Л. Гай стал издавать первую политическую газету на хорватском языке *Novine horvatske* с литературным приложением *Danica Horvatska, Slavonska i Dalmatinska* (с 1836 г. — *Ilirske narodne novine* и *Danica Ilirska*).

Руководители движения особо подчеркивали сравнимую с европейцами древность и автохтонность славян, их важную роль в становлении европейской цивилизации. Таким образом, славяне полуострова рассматривались ими как происходящий от древних иллирийцев один народ, а первым шагом к созданию «Великой Иллирии», по мнению идеологов движения, должно было стать в противовес мадьяризации литературно-языковое объединение южных славян, прежде всего хорватов, сербов и словенцев. Не случайно П.А. Кулаковский в своей фундаментальной работе об иллиризме сосредоточил внимание именно на литературных и языковых аспектах этого течения, рассмотрев связи хорватов с другими славянами³⁰.

Однако с самого момента своего зарождения «при конструировании особой иллирской нации большое внимание уделялось историческим правам самого Хорватского королевства. При этом история хорватов была национализирована иллирами, создавался идеальный романтический образ прошлого, память о котором необходимо было возродить. Для пропаганды своего национального взгляда на историю иллиры не только начали выпускать газеты и писать литературные произведения, но и основали своего рода культурную лабораторию общехорватского масштаба, получившую название Матица иллирская³¹.

Однако это понятие как средство удовлетворения национальных амбиций хорватских интеллектуалов столкнулось с еще одной концепцией — «Великая Сербия», как идеи присоединения югославянских земель к уже существующему вассальному от султана сербскому княжеству, где была составлена первая внешнеполитическая сербская программа, получившая наименование «Начертание»³². Как заметила Л.В. Кузьмичева, «у сербов громадное преимущество — в уже имеющейся автономии, собственных государственно-политических и культурных институтах и программах. Есть ядро, стало быть, возможна и роль Пьемонта. Поэтому обострение и началось не просто после поражения революции 1848—1849 гг., а после общеевропейского движения к объединению вокруг одного центра распыленных земель (Пруссия, Италия). Сербия была единственным вполне реальным центром югославянского объединения»³³.

Данное состояние не ускользнуло от внимательного взгляда имевших славянофильские убеждения русских путешественников, которые мечтали в том числе и о возможности объединения славян под крылом державного двуглавого орла. Русский публицист Ф.В. Чижов, совершивший в 1843—1845 гг. путешествие по славянским землям и разговаривавший с многими известными общественными и политическими фигурами Балкан, отмечал: «Здесь иллиризм исключает сербов, исключает всех других южных славян и приписывает себе средоточие славянского света. Его предводитель Гай, человек очень

²⁹ *Лещиловская И.И.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968; *Ее же.* Хорватия в XVII—XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013; *Чуркина И.В.* Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. — 1914 г. М., 1986; *Ее же.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. — 1914 г. М., 2017.

³⁰ *Кулаковский П.А.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения. Варшава, 1894.

³¹ *Дронов А.М.* От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века // *Славяноведение.* 2018. № 1. С. 64.

³² О программе «Начертание» см. подробнее: *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србије XIX в. Београд, 1958; *Лушич Р.* Књига о Начертанију. Београд, 1993; *Белов М.В.* Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2007. № 1. С. 205—211; *Никифоров К.В.* «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842—1853 гг. М., 2015.

³³ *Кузьмичева Л.В.* Сербо-хорватские сближения и конфликты в XIX — начале XX в. // *Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций.* М., 2009. С. 176.

умный, сильно деятельный и, должно думать, с сильной волей. Его не так легко прочесть, то он всеславянин, то исключительно илир. Последнее же, я думаю, нужно для минутного вызова народности, для того, чтобы отстоять ее от нападения маджарства»³⁴. А видный государственный деятель Сербии того времени А. Петрониевич говорил ему: «Вот теперь илиры хотят непременно составлять свои слова и удалять нас от России под тем предлогом, что мы берем слова русские. ... Они толкуют о панславизме; это составлено из греческого слова “пан” — весь. Я знаю эллинский язык — какой же тут панславизм, когда они хотят своего?»³⁵. Эта концепция могла стать не только противовесом политическому преобладанию Венгрии, но и идеологическому влиянию Сербии на южных славян монархии. Таким образом, распространение и развитие в регионе илиризма могло бы перехватить инициативу у сербского национального движения, перенести центр югославянства из Белграда в Загреб.

Именно на основе илиризма к началу XX в. оформилась доктрина югославизма — движения, в основе которого лежало создание единого югославянского народа с особым местом Хорватии. Не случайно в начале XX в. на фоне развития боснийского кризиса 1908—1909 гг. и в канун Первой мировой войны в центре внимания политических и общественных деятелей Загреба стояла вынашиваемая правящими кругами дуалистической монархии идея «централизованного федерализма» или «триализма», в том числе как один из главных способов решения хорватского вопроса. Один из соратников австрийского престолонаследника Франца Фердинанда князь К. фон Шварценберг «в 1910 г. охарактеризовал триализм как “путь, представляющий золотую середину между централизмом и федерализмом”. Он выступал за создание югославянской государственной единицы — “Королевства Илирии”, включающей Хорватию, Боснию, Герцеговину, Далмацию и Приморье с Триестом (Воеводина должна была остаться в венгерской части)»³⁶.

В этом же контексте илиризм рассматривался и словенской элитой, когда «лидеры словенских католиков в течение десятилетия перед Первой мировой войной сформулировали свою концепцию преобразования Австро-Венгерской монархии на основе триализма, предусматривавшую включение в эту программу всех объединенных словенских земель. При реформе монархии словенцы, по их мнению, должны были войти вместе с хорватами в состав югославянской федеративной единицы. Главными идеологами словенской разновидности триализма были И. Шуштершич и Я.Е. Крек»³⁷.

Первая мировая война внесла в эти планы существенные коррективы. К тому времени у хорватов уже укоренилась идеология «хорватского государственного права», сформулированная А. Старчевичем и его последователями. В начале XX в., по словам сербского историка Г. Милорадовича, «австро-венгерское и германское общественное мнение, ничтоже сумняшеся, величало сербов “государственными изменниками”, “балканскими разбойниками”, “народом-убийцей”, “балканскими стервятниками”»³⁸. Таким образом, уже в период создания Первой Югославии (королевства СХС), «заглушаемая “трескотней” официальной риторики и взаимных заверений в “братстве и единстве”, неслышно тикала та самая мина хорвато-сербских противоречий, которая после более чем семидесятилетних попыток ее разрядить рванула на наших глазах»³⁹, поскольку в едином государстве югославы так и не смогли стать единым народом. Можно констатировать, что курс на создание на Балканском полуострове искусственной наднациональной конструкции,

³⁴ Козьменко И.В. Дневник Ф.В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник // Славянский архив. М., 1958. С. 146—147.

³⁵ Открытие «братьев славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост., предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. СПб., 2018. С. 429—430.

³⁶ Цит. по: Кирилина Л.А. Идеи триализма (югославянский вариант) в Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны // Славяноведение. 2016. № 5. С. 20.

³⁷ Там же. С. 23.

³⁸ Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М., 2016. С. 135.

³⁹ Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 198.

в основе которой помимо других факторов лежал в том числе и иллиризм, попытки строительства нового «югославского» народа обратились в трагедию двух Югославий XX в.

На излете XX в. и в начале нынешнего века иллирийский миф был воспринят стремившейся к обособлению от «сербского прошлого» черногорской академической элитой, группирующейся вокруг созданной в противовес «просербской» ЧАНУ – Дуклянской академии наук и искусств (DANU). Так, например, в переведенной на русский язык и адресованной широкому читателю «Истории Черногории» – ее авторы Ж. Андрияшевич и Ш. Растодер поставили своей целью «через объективный обзор исторического прошлого» объяснить понятие «черногорский вопрос». В этом ключе они напрямую указывают иллирийцев как прямых предков черногорцев. «В период раннего железного века (1000–500 гг. до н.э.) иллирийцы на территории Черногории имели племенную организацию, которая позже переросла в государство». Таким образом, угоду черногорскому сепаратизму, который особенно громко заявляет о себе в последние годы, авторы опровергают тезис о сербском этническом происхождении черногорцев⁴⁰. Эта формулировка позволяет внедрять в общественное сознание страны тезис об исключительности черногорцев, их глубоком отличии от сербской идентичности.

АЛЕКСАНДР (НЕ) МАКЕДОНСКИЙ

Каждый турист, побывавший в столице Македонии Скопье, поражается обилию находящихся на небольшом пространстве центра города монументальных скульптур и впечатляющих воображение своими размерами памятников, которые выглядят как откровенный китч. Перед взором путешественника предстанут и окруженная мраморным фонтаном 22-метровая конная статуя Александра Македонского, и триумфальная арка Porta Macedonia, и памятники древнему болгарскому царю Самуилу и византийскому императору Юстиниану I, свв. Кириллу и Мефодию, Клименту и Науму, и средневековому албанскому правителю Скандербегу, и героям Внутренней македонской организации (ВМРО) Гоце Делчеву, Даме Груеву, и др.

Эти монументальные и архитектурные «миксы» как визуализированные очертания глубокой древности, соединенные в некое целое с героями македонского национально-освободительного движения начала XX в., как нельзя лучше иллюстрируют вульгаризацию понятия «политическая античность». Приватизация образов античной греческой Македонии весьма причудливо вписалась в символику возникшей после 1991 г. новой независимой Македонии, а античные цари Филипп и его сын Александр Великий призваны стать, наряду с героями ВМРО и Илинденского восстания 1903 г., национальными символами отличной от албанской, сербской, греческой и болгарской новой нации со всеми ее атрибутами – от оспариваемого болгарами болезненного вопроса о самостоятельности македонского языка, сербо-македонского церковного вопроса до греко-македонского спора о названии страны и решения острейшего «албанского национального вопроса», тем более что албанская диаспора имеет в Македонии вторую по величине численность после Косова. И надо отметить, что албанское население страны отнюдь не воспринимает себя как этническое меньшинство, активно ретранслируя свои национальные символы, язык и стремясь занять ведущие позиции в управлении страной⁴¹. Кризис и вооруженный конфликт 2001 г. между македонской армией и боевиками Освободительной национальной армии, завершившийся подписанием рамочного Охридского соглашения, явился именно такой попыткой албанцев стать государственно-образующим элементом в республике⁴². И в этом смысле «македонские ученые вынуждены были отстаивать не

⁴⁰ История Черногории с древнейших времен до 2006 г. М., 2010. С. 9.

⁴¹ Если в 2001 г. число занятых на госслужбе албанцев составляло 3,6%, то в 2014 г. – 19,5%. См.: Третьякова М. Македония 2001. Новый виток кризиса: исторические предпосылки и политические последствия. М., 2021. С. 310–311.

⁴² См. подробнее: Клименко З.В. Албанский вопрос в Македонии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 38–47.

только право на конституционное название своего государства», но и переходить в наступление, «заявляя о своем происхождении от античных македонян, подразумевая при этом преобладание в этногенезе современных македонцев неславянского компонента и, таким образом, о родстве с Александром Великим»⁴³. Обращение к более древнему периоду античности становится важным инструментом, с помощью которого подвергается сомнению иллирийский миф, а следовательно, и автохтонность албанского населения, и их претензии на территорию страны⁴⁴.

По мнению Е.Г. Пономаревой, «важнейшей функцией микросоциальных государств является чисто инструментальная роль формального самоопределения территорий, которые по разным причинам не могут находиться под прямым контролем мега- или макросоциальных государств»⁴⁵. Оговоримся в этом смысле, что государственная граница современной Македонии не совпадает ни с границами античного македонского царства, ни с римской и византийской провинциями с тем же названием⁴⁶. К тому же для самих греков понятие Македония неразрывно связано с их древней античной историей. В канун распада СФРЮ в 1988 г. так называемые «северные территории» Греции были переименованы в Македонию и Фракию. В свою очередь, позиция научной македонской элиты сводится к тому, что изучение македонской истории должно происходить в рамках всей Македонии, в том числе и той, которая сегодня входит в состав Албании, Болгарии и Греции⁴⁷. Не случайно дипломат и македонский государственный деятель Р. Никовский, называя принятие республики в ООН с именованием БЮРМ⁴⁸ черным пятном позора для всемирной организации, связывал греко-македонский спор о названии ни много ни мало с геноцидом македонского народа. По его словам, «македонцы, живущие в Греции, до сегодняшнего дня не признаны меньшинством и не имеют никаких прав. В течение долгого времени они подвергались настоящему геноциду»⁴⁹. В подобном же ключе пишет и македонская исследовательница М. Третьякова (Цветановская): «Греция по-прежнему оспаривает у македонцев право называть свою страну Македонией и пытается присвоить себе эксклюзивность на историческое (античное) македонское наследие, Болгария продолжает оспаривать македонскую этническую и языковую самобытность, а сербские клерикалы — церковную независимость»⁵⁰. Преспанское соглашение 2018 г., которое, казалось бы, урегулировало давний греко-македонский спор о названии страны и тем самым устранило формальное препятствие вступления бывшей югославской республики в НАТО⁵¹ и Европейский союз, тем не менее вызвало резкое неприятие со стороны значительной части населения как Македонии, так и Греции, усмотревшей в нем угрозу потери национальной идентичности⁵².

Особую роль здесь сыграла обнаруженная в 1977 г. археологом М. Андроникосом во время раскопок в городе Вергине в Северной Греции золотая «вергинская звезда» из 16 лучей, украшавшая гробницу одного из царей древней Македонии. Данная находка была воспринята греками как символ глубокой преемственности традиций античности и

⁴³ Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001). М., 2013. С. 74.

⁴⁴ См. подробнее: Колосков Е.А. От Бухареста до Преспы: греко-македонский спор о государственном наименовании Македонии в 2008–2018 гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 207–232.

⁴⁵ Пономарева Е.Г. Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 198.

⁴⁶ Колосков Е.А. Страна без названия... С. 71.

⁴⁷ Там же. С. 77.

⁴⁸ Бывшая югославская республика Македония.

⁴⁹ Никовский Р. США и независимая Македония (1991–2013). М., 2017. С. 49.

⁵⁰ Третьякова М. Указ. соч. С. 198.

⁵¹ Уже в следующем 2019 г. Македония вступила в НАТО.

⁵² На состоявшихся в октябре 2021 г. местных выборах, по сообщениям ЦИК Северной Македонии, наибольшее количество мест получила самая крупная оппозиционная партия страны ВМРО — ДПМНЕ (Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство).

современной Греции. Именно она стала официальной эмблемой трех областей, расположенных в северной Греции на территории исторической Македонии. Но она же была запечатлена и на первом государственном флаге новой Македонии, что вызвало ожидаемый и решительный протест греческой стороны, сказавшись на твердой позиции Афин в 1991 г. по непризнанию именованию Македония как названия страны. В ставших кульминацией конфликта 1994–1995 гг. Греция использовала экономическое давление, введя торговое эмбарго. В 1995 г. власти Республики Македонии были вынуждены видоизменить свой флаг, тем не менее на аверсе македонских монет чеканится стилизованное изображение солнца с 16 лучами.

И в этой связи именно сомнительные с художественной точки зрения символы, размещенные в центре македонской столицы, как раз и были призваны дать зримый, визуализированный ответ на существующие у соседних государств сомнения в македонской идентичности, став важной компонентой в определении моноэтничности страны или «македонизации». И в данном случае античное прошлое не является предметом научного поиска или дискуссии, а представляется обществу в споре с соседями как «неоспоримый» исторический аргумент и свершившийся факт. В сознание македонцев инкорпорируются «неопровержимые» тезисы об уроженцах «греческих» (иначе македонских) Салоник братьях Кирилле и Мефодии как создателях древнейшего славянского, т.е. македонского, языка, о царе Самуиле как о первом македонском правителе и даже об албанском правителе Скандербеге, который именно на македонской земле успешно сражался с османскими завоевателями в середине XV в. «Подобная позиция ставит македонскую культуру в глазах македонского общества едва ли не на первое место среди православных славянских культур и требует соответственного к ней отношения»⁵³. Несмотря на заключенное македонским премьером З. Заевым в 2018 г. соглашение со своим греческим коллегой А. Ципрасом об изменении названия страны на «Северная Македония», предусматривающее в том числе пересмотр статуса памятников и общественных зданий, если они соотносятся с античным периодом – неотъемлемой частью культурного наследия Греции, а также требование убрать все изображения Вергинской звезды с государственных и общественных учреждений, до согласия в данном вопросе еще далеко. Заключение этого соглашения, проведение по данному вопросу референдума вызвали политический кризис в стране и массовые беспорядки. Значительная часть македонской элиты и оппозиция (ВМРО – ДПМНЕ) считают заключенные соглашения национальным предательством, в том числе и по использованию албанского языка как официального.

Таким образом, античные мифологемы народов региона как один из ключевых факторов исторической политики позволяют адекватно и более объективно оценить современные балканские реалии и увидеть глубинную причину столь серьезных противоречий и кровавых конфликтов, иногда близких, на первый взгляд, но столь различных по существу народов Балкан.

Библиография

- Амелин В.В., Беван Я., Веттер Е. и др. Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / под ред. Е.И. Филипповой, К. Ле Торревеллека. М., 2018.
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
- Батакович Д. Косово и Метохия. История и идеология. Екатеринбург, 2014.
- Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007.
- Белов М.В. Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 205–212.
- Вишняков Я.В. Сербский социум в начале XX века. Милитаризация повседневности // Вестник МГИМО–Университета. 2019. №6. С. 28–45.
- Вишняков Я.В. Сербия в начале первой мировой войны: 1914–1915 годы // Новая и новейшая история. 2013. №2. С. 53–65.

⁵³ Колосков Е.А. Страна без названия... С. 77.

- Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М., 2016.
- Гуревич П.С.* Социальная мифология. М., 1983.
- Козьменко И.В.* Дневник Ф.В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1958. С. 127–260.
- Дронов А.М.* От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века // Славяноведение. 2018. № 1. С. 55–69.
- Кирилина Л.А.* Идеи триализма (югославянский вариант) в Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны // Славяноведение. 2016. № 5. С. 18–30.
- Клименко З.В.* Албанский вопрос в Македонии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 38–47.
- История Черногории с древнейших времен до 2006 г. М., 2010.
- Историческая политика в 21 веке. М., 2002.
- Колосков Е.А.* От Бухареста до Преспы: греко-македонский спор о государственном наименовании Македонии в 2008–2018 гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 207–232.
- Колосков Е.А.* Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001). М., 2013.
- Колосков Е. А.* Образ Средневековья в школьном образовании стран Западных Балкан в начале XXI века // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2 (5). С. 88–101. URL: <http://voxmediiaevi.com/2019-2-koloskov> (дата обращения: 01.05.2022).
- Кулаковский П.А.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения. Варшава, 1894.
- Кузьмичева Л.В.* Сербо-хорватские сближения и конфликты в XIX – начале XX в. // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. М., 2009.
- Курпьянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 21–37.
- Лециловская И.И.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.
- Лециловская И.И.* Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013.
- Ломоносов М.Ю.* Иллирийский миф в интерпретации славянских интеллектуалов Западных Балкан (XV–XXI вв.) // Вестник славянских культур. 2011. № 4 (22). С. 44–53.
- Ломоносов М.Ю.* Албано-славянские контакты: конфликты, исторические мифы и производство кризисов // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Вып. 1 (15). С. 156–162.
- Ломоносов М.Ю.* Возрожденная Дардания: история новопровозглашенного государства в экспозиции музея Косово // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 59–68.
- Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.
- Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1991.
- Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.
- Никовский Р.* США и независимая Македония (1991–2013). М., 2017.
- Открытие «братьев славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост., предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. СПб., 2018.
- Пономарева Е.Г.* Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 195–203.
- Рид Д.* Вдоль фронта. М.; Л., 1928.
- Терзич С.* Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М., 2015.
- Третьякова М.* Македония 2001. Новый виток кризиса: исторические предпосылки и политические последствия. М., 2021.
- Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда 1878–1912 гг. СПб., 2007.
- Улуян А.А.* Балканы и «архаично-античное» пространство: исторические отражения в идеологической среде национальных дискурсов // Конструирование истории. Кто мы? СПб., 2019. С. 205–236.
- Хачатурян В.М.* «Вторая жизнь» архаики. Архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М., 2009.
- Чуркина И.В.* Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. М., 1986.
- Чуркина И.В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914г. М., 2017.
- Шнирельман В.А.* Национальный миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение. 1995. № 6. С. 3–13.
- Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011.
- Historija naroda Jugoslavije. Zagreb, 1953.
- Историја Југославије. Београд, 1972.
- Лушич Р.* Књига о Начертанију. Београд, 1993.
- Ристић Д.* Митови српске историје. Београд, 2019.
- Горовић В.* Историја Југославије. Београд, 1933.
- Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србије XIX в. Београд, 1958.

References

- Amelin V.V., Bevan Ya., Vetter E. i dr. Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoke i zapade Evropy* [Own and others. Metamorphoses of identity in Eastern and Western Europe] / pod red. E.I. Filipovoi, K. Le Torrivelleka. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Batakovich D. Kosovo i Metokhiya. Istoriya i ideologiya* [Kosovo and Metohija. History and ideology]. Ekaterinburg, 2014. (In Russ.)
- Belov M.V. U istokov serbskoi natsional'noi ideologii: mekhanizmy formirovaniya i specifika razvitiya (konec XVIII – sredina 30-kh gg. XIX veka)* [At the Origins of Serbian National Ideology: Mechanisms of Formation and Specificity of Development (late 18th – mid-19th)]. Sankt-Peterburg, 2007. (In Russ.)
- Belov M.V. Manifest serbskoj nacional'noj byurokratii (istoriograficheskie zametki o "Nachertanii" I. Garashanina 1844 g.)* [Manifesto of the Serbian national bureaucracy (historiographical notes on the "Inscription" by I. Garashanin, 1844)] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod]. 2007. № 1. S. 205–212. (In Russ.)
- Churkina I.V. Russkie i slovency. Nauchnye svyazi konca XVIII v. – 1914 g.* [Russians and Slovenes. Scientific connections of the end of the 18th century – 1914]. Moskva, 1986. (In Russ.)
- Churkina I.V. Rossiya i slavyane v ideologii slovenskikh natsional'nykh deyatelei XVI v. – 1914* [Russia and the Slavs in the Ideology of Slovenian National Figures of the 16th – 1914]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Gurevich P.S. Social'naya mifologiya* [Social mythology]. Moskva, 1983. (In Russ.)
- Dronov A.M. Ot illirizma k khorvatizmu v Avstrijskoi imperii pervoi poloviny XIX veka* [From Illyrianism to Croatianism in the Austrian Empire in the first half of the 19th century] // Slavyanovedenie. 2018. № 1. S. 55–69. (In Russ.)
- Istoriya Chernogorii s drevnejshih vremen do 2006 g.* [History of Montenegro from ancient times to 2006]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Istoricheskaya politika v 21 veke* [Historical politics in the 21st century]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Kirilina L.A. Idei trializma (yugoslavjanskii variant) v Avstro-Vengrii nakanune Pervoi mirovoi voiny* [Ideas of trialism (Yugoslav version) in Austria-Hungary on the eve of the First World War] // Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 2016. № 5. S. 18–30. (In Russ.)
- Klimenko Z.V. Albanski vopros v Makedonii* [Albanian question in Macedonia] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod]. 2015. № 4. S. 38–47. (In Russ.)
- Khachatryan V.M. "Vtoraya zhizn'" arkhaini. Arhaiziruyushchie tendencii v civilizatsionnom processe* [The "second life" of the archaic. Archaizing tendencies in the civilization process]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Koloskov E.A. Ot Bukharesta do Prespy: greko-makedonskij spor o gosudarstvennom naimenovanii Makedonii v 2008–2018 gg.* [From Bucharest to Prespa: Greek-Macedonian dispute over the state name of Macedonia in 2008–2018] // Slavyanskiy al'manah [Slavic Al'manac]. 2021. № 1–2. S. 207–232. (In Russ.)
- Koloskov E.A. Strana bez nazvaniya: vneshnepoliticheskii aspekt stanovleniya makedonskogo gosudarstva (1991–2001)* [Untitled Country: Foreign Policy Aspect of the Macedonian State (1991–2001)]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Koloskov E.A. Obraz Srednevekov'ya v shkol'nom obrazovanii stran Zapadnykh Balkan v nachale XXI veka* [The image of the Middle Ages in school education in the Western Balkans at the beginning of the 21st century] // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2 (5). S. 88–101. URL: <http://voxmediiavei.com/2019-2-koloskov> (access date: 01.05.2022). (In Russ.)
- Koz'menko I.V. Dnevnik F.V. Chizhova "Puteshestvie po slavyanskim zemlyam" kak istochnik* [Diary of F.V. Chizhov "Journey through the Slavic lands" as a source] // Slavyanskii arhiv. Sbornik statej i materialov [Slavic archive. Collection of articles and materials]. Moskva, 1958. S. 127–260. (In Russ.)
- Kulakovskij P.A. Illirizm. Issledovanie po istorii horvatskoi literatury perioda vrozozhdeniya* [Illyrianism. A study of the history of Croatian literature of the Renaissance]. Varshava, 1894. (In Russ.)
- Kuz'micheva L.V. Serbo-horvatskie sblizheniya i konflikty v XIX – nachale XXI v.* [Serbo-Croatian rapprochements and conflicts in the 19th – early 21st century] // Konflikty i kompromissy v istorii mirovykh tsivilizatsii [Conflicts and compromises in history of world civilizations]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Kupriyanov P.S. Predstavleniya o narodakh u rossiiskikh puteshestvennikov nachala XIX v.* [Representations of the peoples of Russian travelers in the early 19th century] // Etnograficheskoe obozrenie [Epigraphic Review]. 2004. № 2. S. 21–37. (In Russ.)
- Leshchilovskaya I.I. Illirizm. K istorii horvatskogo natsional'nogo Vozrozhdeniya* [Illyrianism. On the History of the Croatian National Revival]. Moskva, 1968. (In Russ.)
- Leshchilovskaya I.I. Horvatiya v XVII–XIX vekakh: kul'turnye aspekty istoricheskogo razvitiya* [Croatia in the 17th–19th centuries: cultural aspects of historical development]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Lomonosov M.Yu. Illirijiskij mif v interpretacii slavyanskikh intelektualov Zapadnykh Balkan (XV–XXI vv.)* [Illyrian myth in the interpretation of Slavic intellectuals in the Western Balkans (15th–21st centuries)] // Vestnik Slavyanskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. 2011. № 4 (22). S. 44–53. (In Russ.)
- Lomonosov M.Yu. Albano-slavyanskije kontakty: konflikty, istoricheskie mify i proizvodstvo krizisov* [Albanian-Slavic Contacts: Conflicts, Historical Myths and the Production of Crisis Owls] // Vestnik Permskogo universiteta [Perm University Herald]. Ser. "Istoriya". 2011. Vyp. 1 (15). S. 156–162. (In Russ.)

- Lomonosov M.Yu.* Vozrozhdenneya Dardaniya: istoriya novoprovozglashennogo gosudarstva v ekspozitsii muzeya Kosovo [Revived Dardania: the history of the newly proclaimed state in the exposition of the Museum of Kosovo] // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. 2010. № 4. S. 59–68. (In Russ.)
- Martynova M.Yu.* Balkanskii krizis: narody i politika [The Balkan crisis: peoples and politics]. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Myl'nikov A.S.* Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoi Evropy. Predstavleniya ob etnicheskoj nominatsii i etnichnosti XVI – nachala XVIII veka [The picture of the Slavic world: a view from Eastern Europe. Representations of ethnic nomination and ethnicity of the 16th – early 18th century]. Sankt-Peterburg, 1991. (In Russ.)
- Nikiforov K.V.* “Nachertanie” IIIi Garashanina i vneshnyaya politika Serbii v 1842–1853 gg. [Elijah Garasanin’s “Outline” and Serbian Foreign Policy in 1842–1853]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Nikovskij R.* SShA i nezavisimaya Makedoniya (1991–2013) [United States and Independent Macedonia (1991–2013)]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Otkrytie “brat’ev slavyan”: russkie puteshestvenniki na Balkanakh v pervoi polovine XIX veka. [Discovery of the “brothers of the Slavs”: Russian travelers in the Balkans in the first half of the 19th century] / sost, predislavie biograficheskie spravki, kommentarii i zaklyuchitel’naya stat’ya M.V. Belova. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)
- Ponomareva E.G.* Aktual’nyi diskurs o tipah i tendentsiyah razvitiya nacional’nogo gosudarstva [Current discourse on the types and tendencies of development of the national state] // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2013. № 4. S. 195–203. (In Russ.)
- Rid D.* Vdol’ fronta [Along the front] Moskva; Leningrad, 1928. (In Russ.)
- Shnirel'man V.A.* Natsional'nyi mif: osnovnye harakteristiki (na primere etnogeneticheskikh versii vostochnoslavjanskikh narodov) [National myth: main characteristics. (on the example of ethnogenetic versions of the East Slavic peoples)] // Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 1995. № 6. S. 3–13. (In Russ.)
- Terzich S.* Staraya Serbiya (XIX–XX vv.). Drama odnoj evropeiskoi civilizatsii [Old Serbia (19th–20th centuries). A drama of a European civilization]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Timofeev A.Yu.* Krest, kinzhal i kniga. Staraya Serbiya v politike Belgrada 1878–1912 gg. [Cross, dagger and book. Old Serbia in the politics of Belgrade 1878–1912]. Sankt-Peterburg, 2007. (In Russ.)
- Tret'yakova M.* Makedoniya 2001. Novyi vitok krizisa: Istoricheskie predposylki i politicheskie posledstviya [Macedonia 2001. A new round of the crisis: Historical background and political consequences]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Ulunyan A.A.* Balkany i “arhaichno-antichnoe” prostranstvo: istoricheskie otrazheniya v ideologicheskoi srede nacional'nykh diskursov [The Balkans and the archaic-ancient space: historical reflections in the ideological environment of national discourses] // Konstruirovaniye istorii. Kto my? [Institutionalization of History. Who are we?] Sankt-Peterburg, 2019. S. 205–236. (In Russ.)
- Vishnyakov Y.V.* Serbskij socium v nachale XX veka. Militarizatsiya povsednevnosti [Serbian society at the beginning of the 20th century. Militarization of everyday life] // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2019. № 6. S. 28–45. (In Russ.)
- Vishnyakov Y.V.* Serbiya v nachale pervoi mirovoi voyny: 1914–1915 gody [Serbia at the beginning of the First World War: 1914–1915] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2013. № 2. S. 53–65. (In Russ.)
- Vmeste v stoletii konfliktov. Rossiya i Serbiya v XX veke [Together in a century of conflict. Russia and Serbia in the 20th century]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Yugoslaviya v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii [Yugoslavia in the 20th century. Essays on political history]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Chubrilovich V.* Istorija politichke misli u Srbije XIX v. [History of political thought in Serbia in the 19th century]. Beograd, 1958. (In Serbian)
- Historija naroda Jugoslavije [History of the people of Yugoslavia]. Zagreb, 1953. (In Serbian)
- Istorija Jugoslavije [History of Yugoslavia]. Beograd, 1972. (In Serbian)
- Rustich D.* Mitovi srpske istorie [Myths of Serbian History]. Beograd, 2019. (In Serbian)
- Љbushich R.* Књига о Nachertaniju [A book about Nacertani]. Beograd, 1993. (In Serbian)
- Ђorovich V.* Istorija Jugoslavije [History of Yugoslavia]. Beograd, 1933. (In Serbian)